

В новом томе уже известного нам периодического издания «Балтистика (Исследования по балтийским языкам)» опубликовано особенно много материалов, имеющих прямое отношение к этимологии балтийских и славянских слов. Значительный этимологический интерес представляют также отдельные статьи в этом томе, преследующие более специальные цели. Э. Хэмп в своей небольшой статье «Об и.-е. *s после i, u в балтийском» анализирует важный вопрос исторической фонетики балтийских языков на широком фоне других индоевропейских вслед за статьёй С. Каралюнаса на близкую тему, опубликованной в I томе этой же серии. Хэмп очень одобрительно отнесся к трактовке проблемы Каралюнасом. Не вдаваясь здесь в подробное изложение взглядов американского лингвиста, умеющего, как известно, в краткой форме убедительно и ярко комментировать спорные вопросы индоевропеистики, останемся, пожалуй, только на одном толковании, нуждающемся в поправке. Хэмп считает более удачным объяснение лит. *pisti* < **piz(d)-ti*, в конечном счете — от *pyzdà*, с последующим выравниванием основы. Несомненно, однако, обратное направление связи между этими словами: *pyzdà* произведено от основы глагола *pisti*, первоначально — ‘пихать, толкать’, подобно тому как соответствующее славянское слово связано с соответствующим славянским глаголом *pъzati* или, вернее, его более древней формой — **pis-/*peis-* ‘толкать, толочь, пихать’. Контрольное с точки зрения этой этимологии образование от той же глагольной основы с тем же суффиксальным формантом имеем в польск. диал. *piazza* ‘втулка (колеса)’, которое продолжает праслав. *pězda с отличной ступенью корневой апофонии в основе (*oi). И там и тут наименование основано на сходном отправном семантическом признаке.

Статья ответственного редактора И. Казлаускаса посвящена сравнительному изучению передвижения ударения в литовских (жемайтских) диалектах и в латышском языке в плане фонологии и некоторым смежным вопросам. В различных статьях (Жулис, Мажюлис, Шмальштиг и др.) рассматриваются важные вопросы исторической грамматики литовского языка, сравнительно-исторического балтийского языкознания и балто-славянской проблематики. Новые аспекты анализа, привлечение данных по текстологии древнелитовских текстов, по индоевропеистике и типологии языков, богатый фактический (лексико-словообразовательный) материал делают эти статьи интересными для широкого круга читателей.

Здесь необходимо специально упомянуть о статье Р. Эккерта «О значении русской диалектной лексики для литовской этимологии», где автор обсуждает различные случаи близких явлений в русской и литовской лексике: 1. лит. *mėdė*, *mėdis* ‘лес, дерево’ и русск. диал. *середины*, *середá* с близким значением; 2. русск. *облетовать* и лит. *vāsaroti* (в последнем этюде особенно интересны указания на происхождение и связи таких образований, как русск. диал. *лѣтепльый* ‘тепловатый’, укр. *літєплий* ‘тепловатый’, которые Эккерт толкует из *lētoteplyj); 3. русск. диал. *примень* — лит. *priūmīti*; 4. русск. диал. *емины* — лит. *ėdmenė* (где обсуждается толкование, предложенное нами для данного восточнославянского слова в одной из предшествующих публикаций); 5. русск. диал. *голубой* ‘желтый’ — лит. *gelumbė*; 6. русск. диал. *поклѣть* — лит. *praklėtė*.

Очень интересна в сравнительно-типологическом и лингвогеографическом плане публикуемая в томе работа киевского лингвиста А. П. Непокупного «Балто-севернославянские ареальные этюды», где речь идет о роли понятий ‘лес’ и ‘поле’ в образовании названий пространства вне дома, диких птиц, животных и охоты. К статье приложены две карты. В. Урбутис в своей статье «Лит. *žebėrklas* и его варианты» рассматривает обширный диалектный и исторический материал, который позволяет автору признать более древней форму *žuberklas* и успешно объяснить это название рыболовного орудия, остроги

как сложение с первым компонентом žu- 'рыба'. Этимологической проблематике посвящена статья К. Кузавиниса. В короткой заметке М. Рудзите поднимается вопрос, важный также с точки зрения сравнительной индоевропеистики, — сохранились ли в латышском остатки древнего слова и значения *dukte* 'дочь'? В латышском, как известно, возобладали совершенно особое название дочери — *meita*, отличное от названия, представленного в остальных балтийских, в славянских и других индоевропейских языках. Следуют столь же конкретные и краткие заметки Э. Хэмпса — о лит. *šaukštas* 'ложка', А. Сабалюскаса — о лит. *kalė* 'сука' (автор допускает здесь обозначение по цвету, ср. лит. *kalývas, kalýbas* 'белый, о собачьей шее'). А. Ванас анализирует названия населенных пунктов от личных собственных имен.

Из раздела рецензий можно выделить отзыв Ю. В. Откупщикова о книге Ж. Перро по словообразованию латинских производных на *-men* и *-mentum*, а в этом отзыве — остроумное, но пока не кажущееся достаточно убедительным отождествление лат. *crimen* (< *kriksmen) с гипотетическим лит. *kryksmuō / *meiš*, производным от лит. *krýkti* 'кричать'.

Мы не говорим в этой короткой рецензии о целом ряде ценных статей, важных для литуанистики и балтистики, но не имеющих прямой связи с этимологией. Таких работ особенно много во втором выпуске рецензируемого III тома, где соответственно меньше место занимает собственно этимологические проблемы. Упоминания заслуживает небольшая статья Я. Отрембского о балт. *lėitā, выступающем в гидронимии и легшем в основу названия страны *Lietuvà* 'Литва'. С. Каралионас анализирует происхождение лит. *katālyti/katāryti* 'колотить, бить', принимая, вслед за Шнехтом и Фасмером, этимологическую связь со ст.-слав. *кѡлѣти* 'мѣхѣ' и родственными славянскими формами. Однако допускать здесь наличие следов древнего индоевропейского гетероклитизма (*r:l*) пока нет особых оснований, поскольку, несмотря на упомянутую выше этимологию, у нас нет полной уверенности, что мы имеем здесь дело с достаточно древним словом. Б. Лаумане дает описание названий ветров в латышском языке.

О. Н. Трубачёв

Ф. Bezlaž. Eseji o slovenskem jeziku.

Ljubljana, 1967

Небольшая популярная книга крупнейшего словенского лингвиста акад. Франце Безлая, изданная издательством молодежной литературы и рассчитанная на массового читателя-словенца, вполне заслуживает того, чтобы ей заинтересовались самым серьезным образом лингвисты, этимологи, причем не только словенисты, но и слависты вообще. Автор нашел удачную форму беседы с читателем, позволяющую ему доступно изложить множество научных сведений, а также немало новых этимологий.

Публикации этой книги предшествовало появление на страницах популярного в Словении литературного и общественно-политического журнала «Товариš» десяти очерков Ф. Безлая под общим названием «Блеск и нищета словенского языка». В несколько переработанном виде они вошли и в рецензируемую нами книгу, составив ее первую часть. Пожалуй, именно эту часть можно признать наибольшей удачей Безлая — популяризатора науки. Вопросы образования литературного языка, словенский литературный язык и диалекты, формирование литературной лексики и терминологии, иноязычное влияние и его преодоление, культурный словенский язык в кругу других славянских языков — все эти и ряд других вопросов автор умеет сделать близкими любому культурному словенцу-нефилологу. Научные истины автор не боится рассказывать языком журналистики, черпая подчас образные